

сотрудничества, прежде всего, с коллективами исторических факультетов университетов стран социалистического содружества. В числе их: обмен делегациями, участие в научных конференциях, стажировки преподавателей и аспирантов, обмен литературой и др.

Парфиненко А. Ю.

**В ПОИСКАХ ПРИЧИН ЛИКВИДАЦИИ УНИВЕРСИТЕТОВ УКРАИНЫ
(ОБРАЗЫ НАУКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ
АНТИУНИВЕРСИТЕТСКИХ ВЗГЛЯДОВ)**

Сегодня наблюдается значительный всплеск интереса исследователей к истории классического университета. В полной мере это относится и к украинским университетам. В том числе, к такому периоду в их развитии как 1920-е – начало 1930-х годов. Известно, что с началом советской эпохи университеты в Украине как форма организации высшей школы были ликвидированы, на их месте были созданы профессионально-ориентированные высшие учебные заведения. При этом вопрос о причинах ликвидации до сих пор остается достаточно дискуссионным.

Среди всей поливариантности интерпретаций¹, предпочтение, все же, отдается преимущественно социально – политическому фактору. Так, среди причин ликвидации университетов чаще всего фигурирует политическая неблагонадежность «старой» профессуры, идет речь о восприятии новой властью «старых» университетов как оплота контрреволюции. Среди причин называются также стремление преодолеть недостаток педагогических кадров, специфика украинской концепции образования. Вместе с тем, в исследованиях практически не учитываются процессы, которые происходили собственно в науке и образовании, а, тем более, как эти процессы воспринимались в общественном сознании. В данном случае, в рамках статьи предлагается проследить каким образом общественные представления о науке повлияли на отрицание классического

университетского образования в Украине. Для этого обратимся к анализу публицистики тех лет.

В конце XIX – начале XX веков в Российской империи, как и во всем цивилизованном мире, доминировал преимущественно академический образ науки европейского типа. В целом в России в то время наблюдается резкое возрастание институционального статуса науки. Со слов академика В. И. Вернадского, то было время «расцвета научной мысли и научной культуры»².

Одновременно, следует отметить, что институционализация науки сопровождалась возрастанием традиционалистских, а иногда и антинаучных настроений. Причем, такие настроения были характерны для достаточно разных слоев общества. По мнению П. В. Волобуева, такое мировоззрение распространялось вследствие низкого образовательного уровня населения. «Культурно-интеллектуальная почва, – отмечал он, – равно как и социальная база, на которой возрастала и на которую могла опираться наука, была необычайно тонкой и тем ограничивала возможности ее развития»³.

С началом революции и установлением новой власти такие настроения становились все более распространенными. С началом 1920 – х годов они все чаще находят выражение в периодической печати. При этом авторами публикаций выступали преимущественно руководители (реформаторы) образования.

Прежде всего, подчеркнем, что развитие науки непременно связывалось с определенной социальной и экономической базой⁴. Соответственно, в публицистике утверждается мысль, что в советском обществе наука должна служить новым задачам, задачам пролетариата⁵. Считалось, что революционные изменения в науки должны сопровождаться установлением новых принципов, форм и методов, изменением ее содержания⁶. Иными словами, в публицистике культивировались установки на создание рабочим классом «собственной», «новой» «пролетарской» науки⁷ (с другой природой и целью, другими функциями, этическими нормами).

Понимание роли «пролетарской науки» высказывалось и представителями академической общественности. В целом, она сводилась к облегчению труда и улучшению материального положения трудящихся⁸. Причем «новая» наука виделась не просто

службой угнетаемых ранее классов, а их непосредственным делом. Как отмечал профессор А. Жук, рабочий класс и крестьянство примут в свое окружение лишь ту интеллигенцию, которая вышла из недр трудовой массы, органично срослась с ней. Особенное недоверие высказывалось к так называемой «книжной интеллигенции», которую, якобы, готовил именно дореволюционный университет. Считалось, что новая интеллигенция должна хорошо, не со слухов, знать «соху и станок». Такая интеллигенция мыслилась ядром «новой» школы, которое «похоронит и старый добрый университет, а вместе с ним и старую «научно-образованную русскую интеллигенцию»»⁹.

Примечательно, что установки на превращение науки в оружие пролетариата и крестьянства (создание так называемой «пролетарской науки»), на формирование интеллигенции из рабочих и крестьян, довольно часто принимали форму критики самой науки, а значит и университетов, которые на Украине воплощали науку как таковую. Так, уже вначале 1920-х годов в адрес академического корпуса интеллигенции высказывалась острая критика. Термин «буржуазная» становится достаточно распространенным как в отношении науки, так и в отношении интеллигенции. Вообще, противопоставление «пролетарской» (советской) и «буржуазной» науки и интеллигенции для публицистики 1920-х годов было весьма симптоматично. При этом соответствующий взгляд проецировался и на университет, который достаточно часто представлялся как «цитадель буржуазии»¹⁰.

Важно заметить, что установки на создание «пролетарской» науки и интеллигенции высказывались на фоне деинституционализации академических традиций конца XIX – начала XX веков, размывании нормативно-ценностных структур научной общественности и дисциплинарных рамок устоявшейся науки. Одновременно, как свидетельствует анализ публицистики и как справедливо отмечает Б. Г. Юдин, эти процессы проходили в соответствии с определенной логикой. Прежде всего, она заключалась в отрицании всего старого и стремлении найти и создать «собственные» принципы и организационные формы, в данном случае науки¹¹. Таким образом,

можно предположить, что декларируемое направление науки на разрешение практических нужд должно было способствовать формированию понимания смысла и назначения научной работы в среде рабочих и крестьян.

Публицистика 1920-х годов свидетельствует, что авторы отдавали преимущество идеалам практической, утилитарной науки, что представлялось главным направлением научных исследований и выступало нормой «настоящей» пролетарской науки. Связь науки с трудом была провозглашена одним из принципов организации науки. Наука как нечто «высокое», «чистое», «абстрактное» представлялась ненужной пролетариату. Она должна была быть подчиненной «целевой установке всех жизненных проблем». Ареной научной мысли представлялась экспериментальная лаборатория¹².

Заметим, что соответствующая критика сопровождала и «атаку» на университеты. Считалось, что «чистая наука» культивировалась в этих учебных заведениях совсем независимо от жизненных проблем¹³. В редакционной статье журнала «Студент революции» с негодованием отмечалось, что университет продолжал готовить «отстраненных людей науки»¹⁴.

Весьма показательно, что критика теоретического направления университетской подготовки высказывалась и многими участниками учебно-воспитательного процесса. Например, один из авторов с возмущением отмечал, что в дореволюционной высшей школе изучали науки как самоцель, и лишь иллюстрировали ее примерами из производства¹⁵.

Влияние идеалов утилитарной науки на отрицание университетов достаточно ярко отражает дискуссия профессоров медицины В. Данилевского и А. Жука.

В частности, существенные замечания в отношении культивируемых норм «новой науки» были высказаны в курсе лекций известного в то время ученого В. Я. Данилевского. Во вступительной лекции об университетском образовании В. Данилевский считал необходимым напомнить о том, что все-таки представляет собой наука вообще, в чем ее заслуги и что она дает человечеству. Целью науки, по его словам, является «исследование и поиск истины», которая не зависит от ее

«утилитарной ценности», «конкретных запросов и условий жизненной практики». «Истина, – писал он, – является целью идеальных стремлений разума, а потому ее признают духовным благом, а науку, как ее проявление – идеальным богатством, умственной мощью». В системе высшего образования научная составляющая подготовки с культом истины и правды должна, по мнению автора, занимать центральное место¹⁶.

В статье «Вопросы медицинского образования» профессор А. Жук отвечал В. Данилевскому, что «буржуазная наука», которая возникла на почве удовлетворения практических нужд господствующего класса, ныне отрекается от своего «унизительного» происхождения, как отрекается от своих обедневших родителей разбогатевшая дочь, которая попала в «благородное» общество. Однако «идеалистическое чванство», которое характерно буржуазной профессуре, не пристало пролетариату. Противопоставление «идеальных потребностей ума» «конкретным запросам человеческой практики» чуждо, по словам автора, его классовой психологии. «Незаконная связь науки и практики, – отмечал А. Жук, – которая стыдливо прикрывается фиговым листком идеалистической фразеологии буржуазной науки, не только получает в его глазах законное основание, но и становится категорическим императивом его социального творчества... И не «поиск истины» в независимости от ее утилитарной ценности становится заданием новой школы, а самый широкий утилитаризм...»¹⁷.

Следует также учитывать, что отрицание теоретического уровня науки и обучения происходило в контексте отстаивания понятности знаний. Иными словами, знание считалось более качественным, если оно было понятно для рабочих и крестьян. В публицистике по этому поводу отмечалось, что ученый должен, наконец, выйти из своего «старорежимного футляра», снять «тогу величия» и заговорить понятным для масс языком¹⁸.

В то же время, не следует сбрасывать со счета, что критика «чистой» науки, педалирование тезиса о создании науки, связанной с практикой и производством, было, возможно, проявлением реальных потребностей народного хозяйства и, одновременно,

способом переориентации науки на развитие прикладных, важных, с точки зрения государства, исследований. Не исключено, что именно в таком контексте следует рассматривать и государственное планирование научных исследований, сосредоточение науки в созданных и финансируемых за счет государства научно-исследовательских кафедрах и институтах.

Заметим, что до революции лишь свободное, неограниченное развитие научно-исследовательской работы считалось залогом успешного развития. В советское время такой взгляд на организацию науки отрицался. Реформаторы открыто признавали свою заинтересованность в направлении и организации научных исследований лишь в соответствии с задачами советского строительства.

Показательно, что лишь благодаря упоминаниям самих реформаторов образования известно, что новый алгоритм организации науки был существенным «камнем преткновения» между учеными и властью. И все же, одновременно стоит отметить, что часть научной общественности выражала поддержку необходимости планирования и руководства научной работой. Например, профессор С. Семковский считал принцип «планомерной организации исследовательской работы» «глубоко плодотворным»¹⁹.

Сторонниками плановой организации научно-исследовательской работы достаточно часто высказывались упреки в отношении того, что университетские ученые «десятилетиями» осуществляли свои исследования «индивидуально». Соответственно цель этого исследования представлялась паразитической – «духовное удовлетворение себя и только себя»²⁰.

Вместо университетского «кабинетного ученого», который, по словам реформаторов, руководствовался в своей деятельности исключительно индивидуалистическими соображениями, новая власть внедряла отдельные научные учреждения, которые были направлены на коллективную работу. Это виделось фактором ускорения научной работы и всестороннего раскрытия темы.

Следует учитывать, что такой взгляд на организацию науки считался более плодотворным еще и потому, что степень

пригодности той или иной личности к научной работе определялась не только представителями научных организаций, но и общественных. В данном случае, привлечение непрофессионалов к обсуждению специально-научных проблем считалось в то время не только естественным, но и желанным²¹, что также выступало одним из признаков «нового» понимания науки. Очевидно, что такой взгляд на организацию научной работы оказывал влияние на размывание традиционного этоса науки и принципиально отрицал традиционную для университетов «академическую свободу».

Привлечение к обсуждению научных проблем представителей общественности следует, в то же время, рассматривать в контексте противопоставления ценностей «настоящей» (партийной) науки и науки «буржуазной»²². В данном случае, «общественность» выступала в роли своеобразного цензора, который определял классовую сущность той или иной научной теории, дисциплины, конкретного исследования. По упоминаниям самих реформаторов известно, что представители научной интеллигенции восприняли такой подход к науке более чем негативно. Это было выражено в требовании «аполитичности» науки и высшей школы, лозунгах «наука вне политики»²³. В свою очередь, такие требования были восприняты как последние попытки буржуазии удержать свои идеологические позиции²⁴. Думается, можно предположить, что классовый подход в оценке научных знаний в определенной мере так же влиял на отрицание университетов, которые представлялись в публицистике как воплощение «буржуазной науки».

Подводя итог, отметим, что благодаря упоминаниям и комментариям самих реформаторов, известно, что далеко не все представители академической части интеллигенции разделяли образ науки, который пропагандировался в публицистике. Это дает основания утверждать про существование в то время нескольких образов науки. И все же, как свидетельствует анализ периодики, именно публицистический образ науки становится в то время доминирующим. Он повлиял не только на содержание и организационные формы высших учебных заведений

1920-х – начала 1930-х годов, в определенной мере его влияние сказывается и на современных университетах.

Література

¹ *Парфиненко А. Ю.* Зміни в термінології радянської історіографії як вияв еволюції поглядів на причини «ліквідації» університетів в радянській Україні // Харківський історіографічний збірник. – Вип. 8. – Х., 2006.

² *Вернадский В. И.* Довольно крови и страданий // Век XX и мир. – 1990. – №1. – С. 27.

³ *Волобуев П. В.* Русская наука накануне Октябрьской революции // Вопросы истории естествознания и техники. – 1987. – №3. – С. 13.

⁴ *Совещание зав. Губпрофобрами УССР (8-10 декабря 1922 г.)* // Путь просвещения. – 1922. – №7-8. – С. 210. – Подпись: С. О.

⁵ *Ряппо Я.* Достижения и задачи рабочих факультетов УССР // Путь просвещения. – 1923. – №6. – С. III.

⁶ *Ряппо Я.* Наука и научное исследование на Украине // Путь просвещения. – 1924. – №10. – С. 108 – 109.

⁷ *Гуревич Л.* Жизнь студента рабфака Одесского ИНО // Студент революції. – 1923. – №2-3. – С. 70.

⁸ *Чего ждут крестьяне от студенчества* // Студент революції. – 1923. – №2-3. – С. 69.

⁹ *Жук А.* Вопросы медицинского образования // Путь просвещения. – 1922. – №6. – С. 93 – 94.

¹⁰ *Народное просвещение на Украине.* – Х., 1924. – С. 4.

¹¹ *Юдин Б. Г.* Социальный генезис советской науки // Вопросы философии. – 1990. – №12. – С. 27.

¹² *Ряппо Я.* Наука и научное исследование на Украине // Путь просвещения. – 1924. – №10. – С. 108 – 109.

¹³ *Там же.* – С. 108.

¹⁴ *Пройденный путь* // Студент революции – 1922. – №1. – С. 6.

¹⁵ *Столяров Я. О.* связи ВУЗов с производством // Студент революції. – 1923. – №2-3. – С. 21.

¹⁶ *Данилевский В. Я.* Врач, его призвание и образование. – Х., 1922. – С. 8, 26.

¹⁷ *Жук А.* Указ соч. – С. 102.

¹⁸ *Ряппо Я.* Наука и научное исследование на Украине // Путь просвещения. – 1924. – №10. – С. 109.

¹⁹ Семковский С. Задачи научно-исследовательских кафедр // Наука на Украине. – 1922. – №1. – С. 12.

²⁰ Зотин О. подготовке красной профессуры // Студент революції. – 1924. – №6. – С. 33.

²¹ Столяров Я. В. Про порядок закінчення вузів // Шлях освіти. – 1926. – №1. – С. 12 – 13; Ряппо Я. Наука и научное исследование на Украине // Путь просвещения. – 1924. – №10. – С. 109.

²² Филатов В. П. Образы науки в русской культуре // Вопросы философии. – 1990. – №10. – С. 44.

²³ Ряппо Я. Наука и научное исследование на Украине // Путь просвещения. – 1924. – №10. – С. 107.

²⁴ Корбут М. К вопросу об единении между рабфакам и основниками // Знамя рабфаковца. – 1922. – №1. – С. 6.

Резюме

Парфіненко А.Ю. В пошуках причин ліквідації українських університетів (образи науки та їхній вплив на формування антиуніверситетських поглядів)

Стаття присвячена одній з малодосліджених проблем історіографії – проблемі ліквідації університетів України. Пропонується простежити, яким чином парадигмальні уявлення про соціальний інститут науки вплинули на відкидання університетів як форм організації вищої школи в Україні. Для цього було здійснено аналіз публіцистики 1920-х – початку 1930-х років з метою з'ясування поглядів авторів на роль науки за радянських умов та визначено їхній зв'язок з лініями критики університетів.

Посохова Л.Ю.

ПРАВОСЛАВНІ КОЛЕГІУМИ ТА ФОРМУВАННЯ СТАНУ ДУХОВЕНСТВА В УКРАЇНІ В XVIII СТ.

Дослідники історії освіти, педагогіки та культури традиційно відзначали демократичний характер української освіти XVII-XVIII століть, який, на їх думку, виявився серед іншого у тому, що діти представників різних суспільних прошарків навчалися в стінах одного закладу, маючи рівні права у досягненні освіти. У сучасних